

Каких-нибудь год-полтора назад о Центральном академическом театре Советской Армии рассказывать было просто: ЦАТСА — это и кузница творческих кадров, и флагман армейской сцены, где главенствовала ведомственная — военная — тематика, и выразитель взглядов, настроений армейского люда.

Но сегодня... Переустройство армии, именуемое ее реформированием, бесспорно назревшее, весьма трудное, не лучшим образом сказалось на делах коллектива. У театра серьезные проблемы. О некоторых из них рассказал начальник театра полковник Геннадий ТОМИЛОВ.

— Геннадий Георгиевич, так что же осталось от Центрального академического театра Советской Армии? Прежнего названия, если судить по афишам, нет. Репертуар изменился. Гастроли... Да и вообще, как творческое подразделение выживете или тихо уйдете в небывшие?

— Касательно имени. По-человечески жалко с ним расставаться. Потому что ЦАТСА — это целая эпоха в отечественном театральном искусстве, это актеры (да еще какие!), спектакли, которые ставили и играли только мы.

Но времена меняются. Меняются люди, их мироощущение, появились новые ценностные ориентиры. Вот и мы теперь официально именуемся Центральным академическим театром Российской Армии.

— По этому поводу некоторые журналисты, критики не то чтобы в упрек, а как бы сожалеючи восклицают: опять ведомственный театр, ведомственный репертуар...

— Что из этого? Есть же Театр имени Моссовета, есть и соответствующее финансирование. Есть театры, которые на все сто процентов поддерживает российское Министерство культуры. Нас же поддержит Минобороны.

Ну а репертуар? Почему военно-патриотическая тема

◆ ЗАКУЛИСНЫЕ СТРАСТИ *Рос. газ. - 1993. - 29 мая*

Полковник Геннадий ТОМИЛОВ:

Когда-то пьесы о военном человеке шли на «ура»

тика соотносима только с ведомственной принадлежностью? И с каких это пор любовь к Отечеству, преданность ему стали чем-то недостойным? Вот и недавний социологический опрос подтвердил — более половины офицерского корпуса российской армии в службе руководствуются патриотическими установками.

Другое дело, что воплотить на сцене жизнь нынешней армии, боль, переживания военного человека трудно. Нет авторов, нет достойных драматургических произведений.

— Вы этим объясняете репертуарный, пробные за неудачное слово, перекос? Это если сравнить его с минувшими временами...

— В значительной мере да. Хотя, наверное, и мы пассивны в поисках авторов. В последнее время, например, с военным журналистом Сергеем Дешевым пытаемся облекать в драматургическую форму одну из его повестей об Афганистане.

— Но ведь это опять вчерашний день. К тому же не лучший в жизни армии. Спектакль может вызвать и отрицательную реакцию. Опять же разница во взглядах на афганскую войну...

— Увы. Это обстоятельство нельзя не учитывать. Зрителям не объяснишь, почему именно этот, а не другой спектакль поставлен. Почему в таком творческом ключе раскрыты характеры героев. Когда-то пьесы о военном человеке шли «на ура». Сегодня так ли уж вас тронут

нравственные терзания, назидательные монологи героев штейновского «Океана», когда сегодняшний флот поставлен на грань выживания. Там — прорыв в океан, это сродни подвигам Ушакова, Крузенштерна, Беллингаузена. Здесь — раздел флота между суверенными государствами, ломка, свертывание программ судостроения, разочарование части офицеров в службе, запущенный гарнизонный быт. Вот и попробуйте на таком материале что-нибудь путное создать...

Остается классика. Русская, мировая. Она нас выручает. Лермонтовский «Маскарад», «На бойком месте» Островского — это истинная драматургия.

Если говорить о практической стороне нашей работы за тот год, то подчеркну особенно: на месте мы не стояли. Пять спектаклей выпустили.

— Геннадий Георгиевич, но зритель ваш не только в Москве, он и в российской глубинке — городах, армейских и флотских гарнизонах. Его симпатии, благодарность не заочно, а на местах завоевывать надо...

— Понимаю, к чему клоните: гастроли. Ничего не скажешь, раньше ездили. Нын-

че в лучшем случае актерскую бригаду отправим, творческую встречу организуем. Больше не можем себе позволить. Нет средств.

— По этому поводу не преминут похлословить: вот, дескать, руководство военного ведомства оставило театр один на один с проблемами...

— Недавно у нас побывал министр обороны. Нам обещана помощь — и средствами, и транспортом, и жильем.

— И все-таки актеры ваши в материальном отношении остались одними из самых малооплачиваемых?

— Тому, чей оклад составляет 7 тысяч рублей, денег не хватает. Но и самая высокая ставка — 30 тысяч рублей в месяц — жизни обеспеченной не гарантирует.

Проблемой остается и жилье.

Когда такой «генерал» армейской сцены, как Владимир Михайлович Зельдин, ютится с женой в более чем скромной квартирке, о которой облеченные большими полномочиями начальники говорят как о нисколько не достойной его таланта, заслуг перед народом, искусством, — что еще добавить...

Беседовал Сергей ДОРОНИН.

ОТ РЕДАКЦИИ: Таковы проблемы Центрального академического театра Российской Армии... Подчеркнем — Центрального. Ну а что же говорит о гарнизонных клубах или домах офицеров. Как они выживают в новых экономических условиях? Гремит ли полковой оркестр на офицерских балах?

На эти и другие вопросы мы хотели бы получить ответы из близких и дальних военных городков. На конверте не забудьте пометить — «Гарнизон». Приглашаем к разговору всех заинтересованных лиц.